

«Дал русской поэзии душу и сердце»

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

ИМЯ Василия Андреевича Жуковского известно со школьной скамьи. Услышав его, мы представляем благородного и благополучного поэта-олимпийца, признанного с ранних лет, нам вспоминаются его баллады, так занимавшие и сладко пугавшие жуткой таинственностью в детские годы. Мы знаем его заслуги перед отечественной литературой, хотя, может быть, не всегда отчетливо представляем истинные размеры этой личности. Мы знаем о роли Жуковского в судьбе Пушкина, тот эпизод, когда признанный поэт подарил двадцатилетнему создателю «Руслана и Людмилы» свой гравированный портрет с собственноручной надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя». Не у каждого мастера хватит духу вот так признать триумфальное начало юного собрата, и не только признать, но и найти счастье в житейском наставничестве растущего гения, в стремлении уберечь его от бед, стать до конца заступником и другом.

Белинский назвал Жуковского «Колумбом Руси», открывшим «ей Америку романтизма в поэзии». Поколения русских людей до него воспитывались на стихах Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, плакали навзрыд над «Бедной Лизой» Карамзина. «Муза Жуковского», — продолжал Белинский, — открыла изумленным глазам этого поколения совершенно новый мир поэзии».

Это были стихи, написанные живым языком, искренние, благозвучные, разнообразные по интонации, насыщенные приметами окружающей жизни. Первым из русских поэтов он сделал предметом поэзии собственную судьбу, ввел в стихи собственные настроения, мысли, радости и печали, то есть то, что теперь составляет понятие лирики. С ним в русской поэзии преобразилось слово, оно стало объемнее, озарилось другим и третьим смыслом, потянуло за собой в сознание читателя целый шлейф представлений, зажило, по выражению Твардовского, «звоном, запахом и цветом». В этом смысле Жуковский для нашей литературы до сих пор живое и действующее явление.

Любопытно отметить, что не всякое новаторство Жуковского было понято и принято даже очень прогрессивными людьми. Достаточно сказать, что даже Пушкин, в свои тогда двенадцать лет, весьма иронически отнесся к пятистопным белым стихам и довольно ядовито их пародировал, хотя с годами сам обратился к пятистопному нерифмованному ямбу. Белому стиху обязаны такие шедевры пушкинской лирики, как «Вновь я посетил...». Опыт Жуковского казался на всей последующей русской поэзии, его голос, интонации, так или иначе пройдя через творчество поколений — через Некрасова и Тютчева, Языкова и Фета, Блока и Брюсова, — отзывались в стихах нашего времени.

Жуковский ставил перед собой высочайшие нравственные требования, полагая, что сам поэт, его личность — это и есть единственный и главный инструмент, с помощью которого проверяется истинность окружающей жизни. Понимание Жуковским природы искусства выражено в одном из писем: «Да, каждый поэт, каждый художник должен дать ту же клятву, какая требуется от свидетелей... Он должен стать перед судом природы, поднять руку и произнести из глубины души: истина, вся истина и ничего другого, как истина». Это стремление к правде, стремление быть честным перед самим собой, — может быть, главная черта в личности Жуковского. Когда декабристы, надеясь привлечь его в тайное общество, ознакомили поэта с его уставом, он сказал (из записок Трубецкого): «Устав включает в себе мысль такую благотворительную и такую высокую, что для выполне-

ния ее требуется много добродетели со стороны лиц, которые берут на себя ее исполнение, и что он счастливым почел бы себя, если бы мог убедиться, что в состоянии выполнить требования этого устава, но что он, к несчастью, не чувствует в себе достаточно к тому силы». Можно не сомневаться, что Василий Андреевич тут не кокетничает, не становится в позу, он честен и перед собой, и перед друзьями.

Жуковский достиг высоких чинов. Но, хотя он был при дворе, служил не двору, а отечественной литературе. Кроме того, эта служба давала ему возможность бывать в Европе, общаться с крупнейшими писателями того времени, он бывал у Гете, Гофмана, Шатобриана. Пользуясь своим положением, авторитетом, он вызволил из ссылки Герцена, добивался смягчения участи декабристов, совместно с Карлом Брюлловым вызволил из крепостной неволи Тараса Шевченко. Этот «шароворот» едва ли не первым в России освободил всех своих крестьян от крепостной зависимости.

С другой стороны, не так уж и сладок хлеб при дворе. Надо еще иметь в виду, мягко говоря, искаженные взгляды правительств на литературу, ее ценность и ее назначение. К примеру, в июльском номере «Московского наблюдателя» за 1836 год можно было прочитать список литераторов, поддерживаемых журналами официального направления: немец Коцебу, которого теперь и не всякий вспомнит, реакционный сочинитель и платный агент Третьего отделения Булгарин, а также Кукольник и Загоскин. Кто же был занесен, так сказать, на «черную доску»? Бальзак и Вальтер Скотт, Пушкин и Гоголь. Каково же было Жуковскому, который считал именно Пушкина и Гоголя славой русской литературы, служить при дворе! И царь, сына которого воспитывал Жуковский, понимал «неблагонадежность» приближенного поэта. В среде знати за ним укрепилась репутация «якобинца». В 1830 году на него был подан донос как на всероссийского либерала, и поэт вынужден был письменно оправдываться перед царем. Когда поэт, хлопоча за И. Киреевского, журнал которого был закрыт, заявил царю, что готов поручиться за редактора, Николай I в раздражении спросил: «А за тебя кто поручится?».

С другой стороны, и некоторые декабристы сторонились поэта, в частности Рылев, ставя ему в вину пассивность и общественное безразличие. Вот что написал Рылеву Пушкин в ответ на это: «Зачем кусать груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности, к тому же переводный слог его останется навсегда образцовым».

Жуковский открыл для России романтизм как направление в искусстве. Романтизм, наполнившись революционным содержанием, питает и наше время, и мы, выражаясь языком поэта, «хотим прекрасное в полете удержать». Легко угадываются балладные истоки, открытые еще Жуковским, в творчестве поэтов советского времени, скажем, Николая Тихонова. Читая когда-то впервые «Василия Теркина», главу «Смерть и воин», я сразу же вспомнил Жуковского. Впрочем, в этом богатырском произведении периода Великой Отечественной войны немало мест, заставляющих вспомнить патетику «Певца во стане русских воинов» — известнейшего произведения Жуковского, рожденного на войне 1812 года. Подобно писателям нашего времени, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной, Жуковский написал своего «Певца...», будучи в народном ополчении, являясь очевидцем и участником событий.

Трудно переоценить заслугу Жуковского в создании русской переводческой школы. Благодаря его неунынным трудам, благодаря его таланту «по-русски» заговорили Гете и Шиллер, Байрон и Вальтер Скотт, Голдсмит и Ленау — не перечислить всех его «крестников». Это он привел к нам в собеседники Гомера с его «Илиадой» и «Одиссеей», это он дал нам понятие об эпосе Индии, Ирана, Таджикистана. Он обладал таким безукоризненным литературным вкусом, так тонко чувствовал материал оригинала, что, переводя Гомера с немецкого перевода, вынужден был местами поправлять этот немецкий источник, интуитивно чувствуя в нем какую-то неточность. Специалисты позже отмечали, что перевод Жуковского оказался ближе к подлинному Гомеру.

До наших дней его опыт жив и плодотворен. А слова его: «Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник» — наиболее злободневный афоризм и в среде мастеров художественного перевода наших дней. Достижения пере-

водческого дела были высоки и у последователей Жуковского. Говорят, «Песнь о Гайавате» в бунинском переводе звучит лучше, чем по-английски. А каких мастеров этого цеха знает советская культура! Николай Заболоцкий и Самуил Маршак, Михаил Лозинский и Борис Пастернак, многие, многие другие. Благо, даря замечательным переводам на русский некоторые поэты мира обрели у нас вторую родину. Широко известен факт, не имеющий в мире аналогий: шотландцы ежегодно приезжают большой делегацией в Москву в день рождения Роберта Бернса, чтобы отпраздновать эту дату у нас, где великий шотландец издавна сделался своим, любимым, в известном смысле «русским»...

Очень важная мысль, высказанная Белинским: «Все его переводы образуют собой какой-то особенный мир поэзии — поэзии Жуковского. Самые оригинальные произведения — как будто переводы, а переводы — как будто оригинальные произведения». Высочайший уровень переводческой работы Жуковского отмечал и Гоголь: «Сами немцы, выучившись по-русски, признаются, что перед ним оригиналы кажутся копиями, а переводы его кажутся подлинными оригиналами». И еще он отметил свойство Жуковского «оценивать, которое, поселившись власти. тельно в его уме, заставляло его останавливаться на этом высказывании Гоголя, где слово «с любовью» подчеркнуто. Это необыкновенное качество — относиться с любовью к чужим произведениям. Любя родную литературу, Жуковский добровольно взвалил на свои плечи громадный груз ответственности за ее судьбу, стремясь собрать и уберечь все лучшее — от стихов профессиональных поэтов до народных сказок и песен, все жизненное и имеющее тенденцию развиваться в направлении гармонии, добра и народности. Такой груз под силу, выражаясь современными понятиями, коллективному руководству, причем хорошо организованному и подготовленному руководству. Ведь Жуковский занимался не только, так сказать, творческими вопросами, но и организационными, и чисто хозяйственными. Так, после гибели Пушкина он выхлопотал пенсию для его вдовы и детей, сделался одним из опекунов над его семьей и имуществом, добился издания собрания сочинений Пушкина, осуществил это издание, преодолев множество затруднений... Чтобы дать дорогу в печать некоторым «предосудительным», по мнению царской цензуры, произведениям Пушкина, Жуковский вынужден был смягчить некоторые места, восстановленные в первоначальном виде лишь при Советской власти. А ведь могли бы погибнуть пушкинские шедевры, не окажись его рядом. Жуковский «дал русской поэзии душу и сердце», — писал Белинский, — без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Пушкин еще в ранней молодости предрекал:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет венок завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе
молодость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Лучшее, сделанное Жуковским, прошло веков «завистливую даль», до сих пор волнует души людей, вызывает к высокому, героическому, учит человечности, любви к Родине. Подобно Пушкину, он — явление, развивающееся во времени, приходит к нам современником, другом. Мы преклоняемся перед гуманизмом Жуковского, перед прогрессивным образом его мыслей, перед его страстным утверждением нравственного превосходства простого труженика над саноным бездельником, мы берем с собой его утверждение чувства человеческого достоинства:

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.

Законы поэзии универсальны и непреложны. И новые достижения художников новейших времен не отменяют, не зачеркивают того, что сделали, что открыли художники прошлого. На их достижения опираются наши литературные находки.

И в наш век, полный угроз самому существованию людей, когда прилагаются невероятные усилия, чтобы нивелировать личность, с особой силой звучит этот возглас Жуковского: «Я человек!». Вместе с ним при этих словах возвышаемся душою и мы, его далекие потомки.

Н. САВОСТИН.